

НАШЕ ОРУЖИЕ – СЛОВО

Леди Весна. Проза

Сергей Ходосевич
Леди Весна. Проза

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Леди Весна. Проза / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963147-3

Этот сборник прозы группы ВК «Наше оружие — слово» является продолжением поэтического сборника «Леди Весна» и, также как и он, посвящен весеннему солнцу и женщинам. И пусть не все произведения, собранные здесь, соответствуют тематике данного сборника, но, уверяем вас, творили наши авторы с душой и старались для вас, дорогие женщины. Каждую из вас спешим назвать самыми прекрасными словами на свете. Блистательный юмор, фантастика и мистика, а также истории, взятые из жизни. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-963147-3

© Ходосевич С.

© Издательские решения

Содержание

Вместо вступления	6
Валеев Марат	7
Счастливый день	8
Тапкин и НЛО	10
Столкновение галактик	12
Труба зовёт!	13
Суббота	15
Из школьных сочинений	17
Мамы-они такие	18
Как внук запал на тетю Катю	19
Лекарство для тещи	22
Уколоть жену	24
Рассказики для женщин	27
Соседка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леди Весна. Проза

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4496-3147-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления

Этот сборник прозы группы ВК Наше оружие-слово является продолжением поэтического сборника Леди Весна и так же, как и он посвящен весеннему солнцу и женщинам. И пусть не все произведения, собранные здесь соответствуют тематике данного сборника, но уверяем вас творили их наши авторы с душой и старались для вас-дорогие женщины, каждую из которых спешим назвать самыми прекрасными словами на свете.

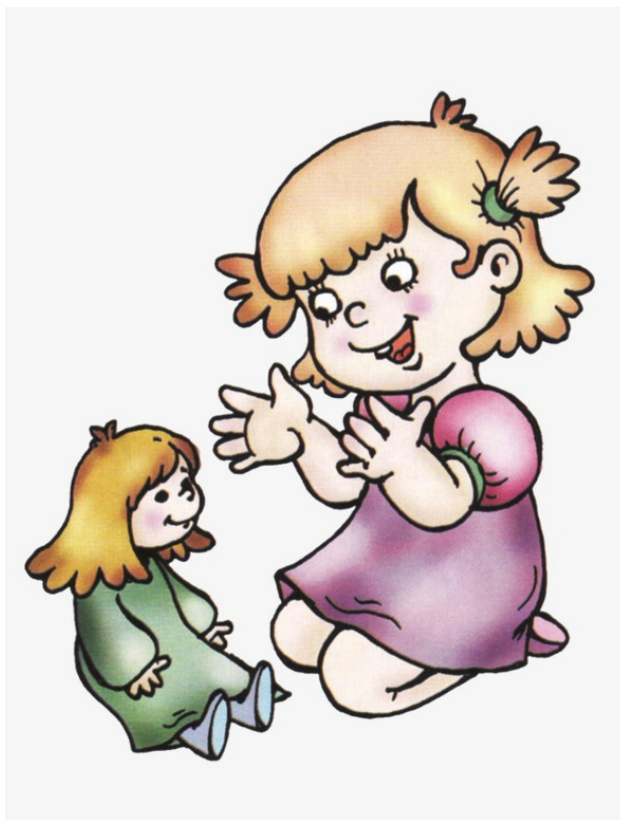
Блистательный юмор, фантастика и мистика, а также истории, взятые из жизни в одном издании, таких разных по стилю наших авторов.

Валеев Марат

<https://vk.com/id229084479>

Счастливый день

Я возвращался из армии. Поезд тащил меня трое суток через саратовские и казахстанские степи, пока не довез до Павлодара. У меня были деньги на дорогу, причем неплохие деньги – я их заработал в стройбате. Но я так загудел в поезде с другими дембелями, с девчонками-халявщицами, что, когда оказался на перроне Павлодарского вокзала, в карманах у меня не было почти ни шиша.

Но я все же наскреб мятыми ассигнациями и мелочью больше десяти рублей. За десятку я купил огромную красивую куклу в большой такой упаковке, билет на автобус до родной деревни (ехать надо было еще 150 километров), на оставшуюся мелочь выпил три стакана крепкого чая в станционном буфете и с посвежевшей головой и в самом радостном настроении пошел на посадку.

Еще четыре часа езды по шоссе Павлодар-Омск, и вот он, мой родной Пятерыжск! С дембельским чемоданчиком в одной руке и с куклой под мышкой в другой, я почти бегом пробежал пару сотен метров грунтовки, соединяющей село с автотрассой, вышел на знакомую улицу и свернул... Нет не к дому, а к детскому саду.

Там сейчас вовсю выросла моя милая маленькая сестренка Роза. Она была одна у нас, у троих братьев, и все мы ее очень нежно и трепетно любили. И это я по ней больше всего соскучился, и ее хотел увидеть в первую очередь.

Когда уходил в армию, Розочке было всего четыре года, и мне очень интересно было увидеть ее уже шестилетней, которой вот-вот в школу.

Долго сестренку мне искать не пришлось – все обитатели садика, десятка полтора-два разновозрастных малышей, гуляли во дворе и беспрестанно щебетали на своем детском полуптичьем языке.

Розу я узнал сразу – ее непокорные русые кудри выбивались из-под смешно, по-взрослому, повязанному на маленькой голове, платка. И она тоже поняла, что этот солдат с красивой коробкой под мышкой и чемоданчиком в другой руке – ее старший брат.

Роза с визгом кинулась ко мне, я бросил на стылую уже, но не замерзшую еще землю свою ношу и подхватил легонькое тельце сестренки на руки и вознес его над собой, к самому синему небу, и подбросил ее, и поймал, и снова подбросил и поймал, и девчонка от восторга закричала еще громче.

Воспитательницы с улыбками наблюдали за этой фееричной встречей брата с сестрой, а другие дети молча таращили на нас глаза, плохо понимая, что происходит. Наконец, расцеловав Розу в обе холодные румяные щеки, я поставил ее на землю, и приступил ко второй части задуманного торжества.

Я не спеша распаковал коробку и вынул из нее громадную, ростом с саму сестренку, большеглазую куклу, с мохнатыми хлопающими ресницами и с толстой платиновой косой за спиной, в невообразимо красивом платье, в туфельках на изумительно стройных ножках. И протянул ее Розе:

– Это тебе, моя хорошая! Назовешь ее сама.

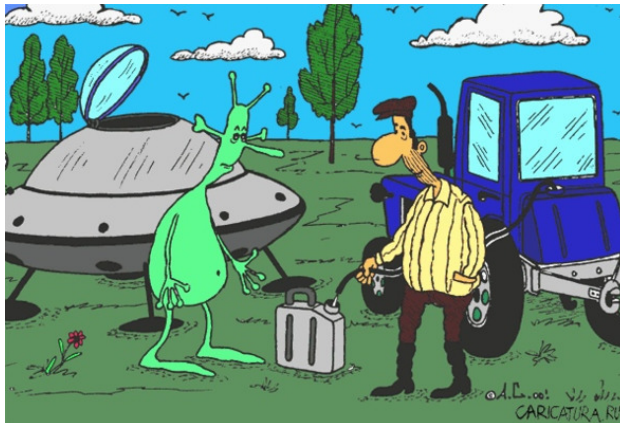
Роза смотрела на эту красавицу во все глаза и потрясенно молчала (нет, дома у нее куклы, конечно, были, но так, мелочь всякая пузатая. А тут-то!..) Но потом все же совладала с собой, крепко обняла пластмассовую, в пух и прах разодетую красавицу, и пролепетала:

– Спасибо!

И мы пошли с ней домой (Розу, конечно, тут же отпустили), держась за руки и каждый неся в руке свою заветную ношу: я дембельский чемоданчик, сестренка куклу.

Спустя годы мы с сестрой сравнивали свои ощущения от того ноябрьского дня, и он оказался самым счастливым в нашей жизни.

Тапкин и НЛО

Тапкин вез с дачи первые плоды своего труда: огурчики, помидорчики. И вдруг на грунтовку перед его стареньким жигуленком с неба свалился странный агрегат: то ли тарелка, то ли сковородка.

Тапкин сразу смекнул: «НЛО!». И по тормозам.

У НЛО откинулась крышка, и на землю спустился кто-то. В сверкающем комбинезоне и скафандре, через который можно было разглядеть треугольную зеленую голову с огромными красными глазами.

– Мама! – прошептал Тапкин, и включил заднюю скорость. Но жигуленок лишь взвыл, а с места не тронулся.

– Да успокойся ты! – услышал вдруг Тапкин скрипучий голос у себя в голове. – Не трону я тебя. Видишь, авария у меня случилась. У тебя, случайно, ключа на шестнадцать нету?

– Найдется, – осторожно сказал Тапкин.

Пришелец залез под тарелку, полезгал там ключом, опять взобрался внутрь. Корабль мелко задрожал, но взлететь так и не смог.

– Вот блин, и у вас такая же чехарда! – удивился Тапкин.

Пришелец походил вокруг тарелки, пнул по одной из ее стоек, и спросил Тапкина:

– Может, дернешь?

– Сейчас поищу трос, – хмыкнул Тапкин.

Он зацепил его за одну из стоек НЛО.

– На счет «три» трогай, – скомандовал пришелец. – Сильно не газуй.

– Сделаем! – деловито отозвался Тапкин, и легонько тронул жигуленок с места. Трос натянулся, дернулся, и тарелка воспарила над землей. Она плавно поравнялась с машиной Тапкина. Через иллюминатор виднелась зеленая физиономия пришельца, разъехавшаяся в неземной улыбке.

Тапкин отцепил трос.

– Ну, землянин, пока! – телепатировал ему пришелец. – Спасибо за помощь.

– Погоди, брат! – крикнул Тапкин. – Возьми-ка гостинцев с собой.

Он вытащил из багажника ведра с огурцами и помидорами и подошел к висящей в полуметре над землей тарелке.

– Куда их тебе поставить? Открывай!

– Да неудобно как-то, – засмутился инопланетянин. – Мне-то тебя отдарить нечем.

– Ерунда, – сказал Тапкин. – Я знаю, что вы у нас постоянно шляется. Вот и завезешь в другой раз, что вы там у себя на дачах выращиваете. Заодно и ведра вернешь...

– Ну хорошо, – сдался инопланетянин, и в боку тарелки открылся небольшой проем, куда Тапкин затолкал оба ведра с помидорами и огурцами.

– Спасибо, друг! – растроганно прозуммерил пришелец. – Ну, бывай! Через неделю жди меня тут!

И НЛО стремительно взмыл в бездонную синеву неба.

Проводив его взглядом, Тапкин сел за руль жигуленка. На лице его блуждала мечтательная улыбка.

«А вот интересно: приживутся ли у нас на Земле ИХ овощи?» – думал Тапкин, подъезжая к своему дому. И решил: непременно должны!

Столкновение галактик

По телевизору сказали:

– Земле грозит катастрофа. Возможно столкновение нашей и соседней галактик. Они опасно сближаются...

– Вань, а, Вань? – испуганно позвала Вера дремавшего в кресле по соседству мужа.

– Ну, чего тебе? – проснувшись, отозвался из-под газеты Иван.

– Ты слышал, что по телеку сказали? Скоро наши галактики столкнутся!

– Вполне возможно, – снимая с лица газету, сказал Иван. – Вон их сколько в небе, звезд-то! Не миллионы и даже не миллиарды – мириады! Вот и сталкиваются!

– А чего делать-то? – заплакала Вера. – Может, в деревню, к маме переедем? Там хоть погреб есть.

– Да хоть в Америку! Хоть на Марс. Они же тоже в нашей галактике! – пояснил начитанный Иван.

– Так мы что, не спасемся?

– Нет! – твердо сказал Иван.

– А как же тогда быть?

– Спешить жить! – категорично заявил Иван.

– Как это? – перестала плакать Вера.

– Ну, для начала иди ко мне. И обними меня крепче!

... – А дальше что? – счастливо спросила через полчаса запыхавшаяся Вера

– Поехали, посидим в «Астрале», – сказал Иван и плотоядно облизнулся.

– А при чем здесь ресторан? – удивилась Вера.

– А при том, что если в это время и произойдет столкновение галактик, мы и не заметим его! – убедительно заявил Иван. – Где мой любимый галстук, Верунь?

– А если не произойдет?

– Тем более не заметим! Ну, одевайся! А я пока такси вызову...

Труба зовёт!

– Правильно сделали, что выбрали наш магазин! У нас лучший в городе выбор детских игрушек. Вам помочь с выбором игрушки? Кому будете брать: мальчику, девочке? Сколько лет?

– Да не тарахти ты, милая! Сами управимся. Ну, чего ты стоишь, как пень, Михал Андреич? А, глаза разбежались! Ну, от тебя, я вижу, тут толку мало будет. Вот что, милая, мы вот с дедом идём на день рождения к внуку наших друзей. Парню три года...

– О, для него у нас огромный выбор игрушек! Вот действующая модель вертолётa. Вот велосипед с электроприводом. Вот...

Ремонт велосипеда (в Москве) лучше произвести у опытного мастера. Таковы, без сомнения, является частный мастер Дмитрий Аркадьевич более 15 лет занимающийся ремонтом велосипедов. Ремонт возможен любой детали, любого велосипеда. Вне зависимости от модели и марки вашего двухколёсного друга, мастер сможет помочь вам и ему. Если деталь велосипеда не подлежит ремонту, то мастер предложит её заменить. Дмитрий работает один, цены у него самые низкие, поэтому ремонт велосипеда обойдётся дёшево! Качество он обещает отличное!

– Погоди, погоди, затарахтела. А ты, Михал Егорыч, поставь-ка на место этот чёртов танк, не будем мы его брать. Нам бы что-нибудь подешевле и посердитей. Ответ должен быть адекватным! А потому мы возьмём, пожалуй, вон ту штуkenцию.

– Так это же копия духовой трубы. Предупреждаю: очень громкий инструмент! Труба устроена так, что малыш прилагает совсем немного усилий, чтобы извлечь из него звук,

по децибелам не уступающий мощности настоящего инструмента. Очень полезная для развития лёгких игрушка. Но непростое испытание для слуха окружающих.

– Как ты сказала? Непростое испытание уха окружающих? О, нам это так знакомо, да, Михал Егорыч?

– Кто в коме, дорогая?

– Вот глухая тетеря! Ладно, милая, заверни-ка нам эту трубу. Да пошли мы к Кошкиным. Они нам, сволочи – барабан нашему внуку. А мы им в ответ вот эту штуkenцию! Ну, Михал Андреич, положи-ка на место этого шагающего солдатики, и вперёд – труба зовёт!

Суббота

- Кисонька, ты чего это лежишь? Мы что, ужинать не будем?
- Милый, извини, у меня голова очень болит.
- Как это голова болит? Сегодня же суббота!
- Ну и что?
- Как это «ну и что»? Мы же с тобой по субботам, того... этого.
- Извини, забыла. Вот полежу пару часиков, может, пройдет.
- Лежи, дорогая, хоть два, хоть три часа. А я пока сам ужин приготовлю.
- Что бы я без тебя делала! Там в морозильнике есть пакет с замороженным фаршем...
- Сейчас поищу... Вот это?
- Нет, это не фарш. Это печень.
- Пойду еще пошарюсь... А это вот не фарш, случайно?
- Случайно не фарш. Это просто мясо. Подожди, сейчас я поднимусь и сама его тебе найду... На вот, занимайся, а я пойду, прилягу.
- Птичка моя, но он же как камень. Это же он до следующей субботы будет оттаивать!
- Положи в микроволновку, буквально на полминутки... Хотя, подожди. Боюсь, ты его сваришь. Сейчас встану и сама оттаю... Все, готово. Пойду прилягу.

– Конечно, ложись. Сегодня же суббота. Тебе надо быть в форме. А я сейчас быстренько наваляю... этих... как их... котлеток... Слушай, а они почему-то не получаются, разваливаются и к рукам липнут...

– Ты яйцо туда положил?

– А, вон оно что! Ну, положил. И сколько оно здесь должно полежать?

– О боже! Подожди, я иду к тебе... Вот так вот это делается и вот так. Запомнил?

– Да что тут запоминать? А ты иди, приляг. Я тебя позову, когда будет готово. Отдыхай, рыбонька, готовься вкусно поужинать, при свечах. Сегодня же у нас суббота!

– Да помню, помню! Жарь давай свои котлеты.

– Так, на чем: на растительном или сливочном масле? А может, на сале?

– На моих слезах! Ты дашь мне сегодня отдохнуть?

– Успокойся, сердынько мое! Я решил пожарить наши котлетки сразу на всем. Вкус должен быть – обалдеешь! Вот, пусть жарятся, а я пока телевизор посмотрю.

– Какой телевизор, придурок? Они же у тебя уже горят!

– А я думаю, чем это так не очень вкусно у нас на кухне запахло... Ой, как у меня голова разболелась!

– Иди приляг. Сама ужин приготовлю! Из тебя кулинар, как из самовара круизный лайнер.

– Действительно, ласточка, лучше я прилягу. Тем более, что большую часть работы я уже сделал. А мне надо отдохнуть. Сегодня же у нас суббота, мне надо быть в форме!..

Из школьных сочинений

- От всего войска князя Игоря осталось всего 15 красноармейцев.
- В нашем лесу водятся бурные медведи.
- Тургенев часто ходил в лес и собирал у охотников записки.
- Старшего сына Тараса Бульбы звали Остап Бендер.
- Служебная собака весело искала наркотики.
- Ученые изучали кратеры протухших вулканов.
- Динозавры все вымерли, и поэтому их приходится рисовать по памяти.
- У Чичикова и Плюшкина были разные хобби: один собирал мертвые души, а другой – всякую ерунду.
- Неуспевающий ученик – это тот, кто не успевает списывать.
- Некрасов сказал о русской женщине, что она коня на скаку остановит, и с ним в горящую избу пойдет.
- У нашей учительницы красивое лицо с сердитым характером.
- Книга наш друг, а друга нельзя рвать и пачкать.
- Во дворе стоял смешной снеговик с ведром и морковкой набекрень.
- Человеческий мозг состоит из западного и восточного полушарий.
- Ребята катались с горки на санках, на лыжах и сами на себе.
- На крыльцо вышла девочка с собакой в платке и валенках.
- Я старше своего брата на целую голову.
- Микроскоп служит для рассматривания мелких животных.
- Древние люди ходили на четырех руках.
- Вратарь стоял, загнувшись.
- Когдаходишь в класс, в глаза бросается швабра, которая обычно стоит в углу. – Позвоночник служит для того, чтобы поддерживать физиономию.

Мамы-они такие

За полторы сотни километров от Красноярска столкнулись два автобуса, много жертв, много раненых. Об этом ДТП тут же сообщили все новостные каналы. И спустя всего несколько минут у нас дома раздается междугородний телефонный звонок. Трубку берет Светлана. – Да нет, мама, нет, – терпеливо говорит она. – Успокойся, нас там не было... Никуда мы не ездили. Нет, и Владик никуда не ездил. Все у нас хорошо, не волнуйся. Как сами-то?

Я уже понимаю: из Кызыл-Орды звонила ее мама, моя дорогая теща Людмила Леонидовна. Она такая: как чуть что происходит в районе Красноярска, пусть даже за сотни километров, она тут же хватается за трубку и срывающимся голосом спрашивает, все ли у нас в порядке.

– Ну, мама, – положив трубку, сокрушенно говорит Светлана. – До чего беспокойная, прямо я не знаю. Знает же, что мы дома, нет – все равно звонит: а вдруг мы с тобой были в этом автобусе...

И тут по телевизору сообщают: на улице такой-то в Красноярске столкнулись две автомашины, есть пострадавшие. Светка меняется в лице и, раскрыв мобильник, суетливо тычет пальцами в кнопки. Наконец, дождавшись, соединения, кричит в трубку: – Сынок, ты где? У тебя все в порядке? Уф, слава Богу! А то тут передали – такая же машина, как твоя, столкнулась с другой. У тебя точно все в порядке? Я тебя умоляю, сына: ездь поосторожнее, хорошо? Ну, ладно, ладно, не сердись...

Я прячу улыбку. Мамы, они такие – что та, что эта. Кто еще будет так беспокоиться о своих детях, кроме них?

Как внук запал на тетю Катю

Похоже, я становлюсь личным летописцем своего четырехлетнего внука. Нынче он опять выкинул такой номер, что снова пришлось садиться за компьютер и писать очередной рассказ.

Но все по порядку. Подруга жены Катерина уезжала с детьми к маме, в Алтайский край. У нас оставляла для присмотра своих питомцев – двух шиншил Шушика и Шушу. Забавные зверьки, хотя и диковатые.

Игорешка все хотел на них посмотреть, да как-то не срослось, не привезли его родители: то он сам болел, то бабушка ходила простывшей (очень дождливо и сыро у нас нынче было).

И вот Катерина вернулась со своего Алтая. Гостинцы нам, между прочим, привезла в благодарность за своих шиншилок – меду баклажку, баночку огурцов чудного посола да большущий кабачок.

Ну и вот, сидят они с моей женой на кухне, треплются о том, о сем. И тут звонок. Игореша. Ну, поговорили мы с ним с минутку, и он затребовал бабу Свету.

– Она занята сейчас, – говорю. – У нее гости.

Лучше бы я этого не говорил.

– А кто? – тут же начал сгорать от любопытства Игореша.

– Ну, тетя Катя, – поясняю. – Это ее шиншиллки у нас жили. Сейчас она приехала забрать их.

– Посиму? Я же их иссё не видел! – негодует Игореша.

– Ну, она же хозяйка этих шиншилок, – терпеливо втолковываю я ему. – Вот и забирает.

– А позови тетю Катю! – попросил он. – Я с ней поговорю... – Ну вот еще, – запротестовал я. – Вы же не знакомы.

– Тетя Катяяяя!!! – вдруг во всю мочь завопил в трубку Игорь. У меня даже в ухе зазвенело. Вот поросенок. Точно так же он добивается от меня бабы Светы, когда та занята и не всегда сразу может подойти к телефону.

Когда он так орет, я выставляю трубку перед собой, и Светка прекрасно слышит нетерпеливый вопль любимого внука хоть из кухни, хоть из спальни, хоть, извините, из туалета, и бежит, теряя тапочки.

Вот и в этот раз трубка продолжала голосить, пока я не выставил трубку по направлению к кухне. Там замолчали.

– Игорешка? – спросила Светка, выйдя с кухни.

– Ну, только он не тебя, а тетю Катю требует.

– Зачем она ему? – удивилась Светка.

– Познакомиться хочет, – сообщил я ей.

Светлана взяла аппарат и понесла его на кухню, волоча за собой шнур и бормоча в трубку:

– Здравствуй, здравствуй, рыбка моя! Все, все, не кричи только, я уже иду к тете Кате...

Тетя Катя, поговори, пожалуйста, с Игорешей!

Я опять уткнулся в компьютер и почти не прислушивался к тому, что происходило на кухне. Но время от времени раздающийся оттуда залиvistый смех Катерины, конечно, не мог пройти мимо моего слуха.

– Чудо – не ребенок, – заключила она после разговора с Игорешкой. Да с тем вскоре и уехала домой со своими шиншиллами.

А для нас с того момента все только началось. Мы не знаем, чем так покорила Катерина нашего внука: голосом ли своим мелодичным, смехом ли серебристым, тоном доверительным, а может всем вместе, но теперь каждый телефонный звонок Игорешки к нам начинался с вопроса: – А где тетя Катя? Позови ее, хосю с ней поговорить...

И так уже неделю! Мы ему пытались объяснять, что тетя Катя у нас не живет, у нее свой дом, своя семья – муж там, дети, работа, заботы. Но Игорешка ничего этого брать во внимание не хотел. Парень явно втрескался в Катерину (хотя как это можно – в четыре-то года?). Он так и говорил: – Люблю тётю Катю! Хосю, чтобы она приехала ко мне жить...

– Не может она тобой жить, Игорь, у нее муж есть, она с ним живет, – уже в который раз отговариваю я внука от его затеи жить с чужой, незнакомой тетей.

Это буквально выводит Игоря из себя. – У меня есть месь! Я залублю этого муза! – кричит он в трубку. От его слов в ужас приходят взрослые и на том, и на этом конце провода. Парня явно надо ограничивать в просмотре современных мультиков.

Трубку у меня берет Светлана, и после увещательной беседы Игорь соглашается оставить мужа Катерины в живых. Но Катю он у него все равно заберет и увезет ее жить на дачу. Требуется, чтобы бабушка назвала ему номер телефона тети Кати, чтобы он смог сообщить ей о своем мужском решении.

Светлана говорит, что у тети Кати нет домашнего телефона, хотя он, конечно есть. И я ее понимаю. Если Игорь нам на дню названивает до десяти раз (как-то подсчитали), и требует, чтобы мы с ним «лазговаливали», и мы «лазговаливаем», сменяя друг дружку, то уж тетю Катю, которую наш внучок так внезапно и пылко полюбил, он же просто затерроризирует своими телефонными звонками, и Светлана рискует потерять подругу.

Потом Игорь говорит, чтобы к телефону подошел я. Светлана с облегчением передает раскаленную трубку мне, а сама спешит на кухню: пора бы уже и обед подогреть.

Игорь заговорщицки шепчет мне:

– Деда, баба мне не дает телефон тети Кати. А я хосю с ней лазговаливать!

Это мне начинает надоедать. Женишок нашелся! Я повторяю, что баба Света не дала ему тетикатин номер потому, что у нее нет домашнего телефона, а есть только мобильный... – Деда, подожди, никуда не уходи, я схожу покакаю, а потом ты мне скажись тетикатин мобильный телефон! – возбужденно кричит Игореша. Блин, вот попадалово, а? – А чего это я должен тебя ждать? Что мне, больше делать нечего? – пытаюсь я «соскочить» с этого и в самом деле уже изрядно поднадоевшего мне разговора про тетю Катю, будь она неладна. Конечно, можно было бы просто бросить трубку, но это же некорректно. Да и доктор Спок не позволяет.

– А ты тозе сходи покакай! – милостиво разрешает мне внук. Я вот что решил, пока Игорешка ходит там по своим неотложным делам: дам-ка я ему все же номер мобильного телефона Катерины.

Может, не запомнит – там же вместе с восьмеркой одиннадцать цифр, а не семь, как у домашнего. Хотя, с другой стороны, где семь, там и одиннадцать. Парень-то растет.

Нет, пожалуй, схожу-ка я тоже покакаю, как посоветовал мне внук. Может, что и придумаю за это время, как нам с бабой Светой вывернуться из этой щекотливой ситуации...

Лекарство для тещи

кадр из сюжета киножурнала Фитиль по рассказу

У Помазкова заболела теща. Ну, заболела и заболела, не раз уже такое было. Поохает, да встанет, да с новой силой начинает переедать плешь Помазкову. Но тут – не тут-то было. Теща явно собралась к тестю. Туда, откуда никто не возвращается. Уже неделю не встает, молчит, ничего не ест, даже лекарства. В больницу отказалась переселяться. И Помазкова перестала гнобить, с чего обычно начинала день и заканчивала этим. Помазкову даже скучно стало. А тут еще жена – плачет около матери часами, опухла вся. Все забросила дома, на Помазкова ноль внимания. Все причитает: «Мама, встань, мама, не молчи, мама, как же мы без тебя!»

Главное: «Мы!». «Да уж как-нибудь прожили бы», – бурчал Помазков про себя и болезненно морщился. Всю душу вывернула жена Помазкову. Так причитала, что даже ему жалко стало тещу, мать ее. А что делать, как помочь – не знает. И вот вчера он сел рядом с ней, решил хотя бы пообщаться. – Болит? – спрашивает. Теща молчит, в потолок смотрит. «Чего бы еще такого сказать?» – думает Помазков. И вспомнил. – А Лизавету Петровну, с которой вы все время ругались, позавчера в больницу увезли. Съела чего-то. Теща скосила на него глаза, но молчит. – У коммерсанта Дурдыева из шестнадцатой иномарку угнали. Теща слабо улыбнулась. Дурдыева она не любила, все ворчала: «Понаехали тут!». Помазков, еще не до конца понимая причину происходящих с тещей перемен, все же понял, что он на верном пути. – В машине барсетка была, – весело сообщил он. – А в ней полсотни тыщ баксов. Вот повезло кому-то. Теща заворочалась, пытаясь присесть на постели. На щеках ее пробился слабый румянец. – Это ж сколько на наши деньги? – спросила она и села на постели. – Ну, больше миллиона рублей! – Так ему, козлу, и надо, – хихикнула теща. – А то ишь, понаехали тут. – Правда, машину нашли, – ляпнул вдруг Помазков.

Теща снова рухнула на подушку и прикрыла глаза. – Но внутри все разграблено и колеса сняты, – спешно добавил Помазков. – Барсетки, конечно, как не бывало. Теща опять ожила. – А Тихона Петровича... Ну, который этажом выше... Который еще вас с вашими подружками по лавочке все сплетницами обзывал... – Ну, ну? – вся подалась вперед теща, и в глазах ее появился злорадный блеск, так знакомый Помазкову.

– Ему путевки перепутали. И вместо Канарских островов отправили на Командорские!

Теща радостно засмеялась и спустила ноги с кровати. -Пойдем-ка, зятек, на кухню, – жизнерадостно сказала она. – У меня там настоячка есть. Посидим, поболтаем. Ведь такая жизнь интересная вокруг, что и помереть некогда...

Уколоть жену

– Что-то шея болит, – сказала жена Василия Яськова Люся. – Продуло, наверное. Схожу в поликлинику, проверюсь. Из больницы она пришла с диагнозом «шейный остеохондроз». – Хотели положить, – пожаловалась вечером вернувшемуся с работы мужу Люся. – Но я отказалась, сам же знаешь, мне отчет на работе надо готовить. Лягу, подведу шефа... – Не ложись, не подводи шефа, – согласился Яськов. – Но лечиться-то надо.

– Ну так я и буду, – сказала Люся. – Мне назначили физиопроцедуры. И еще пять уколов.

– Пять – это еще ничего, – поежился Яськов, ненавидящий уколы.

– Конечно, совсем ничего, – подтвердила Люся. – Один я уже сегодня же и сделала. Там же, в процедурной поликлиники. Осталось всего четыре. И сделаешь их мне ты.

– Что я сделаю? – с недоумением спросил Яськов. – Повтори, пожалуйста, что я должен тебе сделать?

– Это не страшно, милый, ты не бойся, – убежденно заявила Люся. – По большому счету, это я должна бояться. Но я не боюсь. Ты ведь все сделаешь как надо, да, милый?

– Какие уколы? – возопил Яськов. – Ты что, с ума сошла? Как это я тебя буду колоть? Я тебя вообще хоть пальцем тронул, сколько мы живем.

– Какой это ты палец имеешь в виду? – невинно округлила глаза Люся.

– Не смешно! – продолжал возмущаться Василий. – Я тебя порой обнять-то боюсь как следует, вон ты у меня какая хрупенькая. А тут – колоть тебя иглой. Да не в жисть! И вообще, почему это я тебя должен колоть? Иди вон опять в процедурную. Им за это, между прочим, зарплату платят.

– Да мне двадцать минут только туда добираться надо, потом с полчаса ждать своей очереди – знаешь, сколько там народу? – запальчиво сказала Люся. – А потом еще на работу выбираться оттуда. Это я минимум час-полтора потеряю. А у нас сейчас каждая минута дорога, сам же знаешь. – Ничего я не знаю! – не сдавался Василий. – Это же надо придумать такое... – Неблагодарный! – вспыхнула Люся. – А кто тебя колот, когда тебя радикулит прихватил, а? – Так ты же сама говорила, что вас в институте этому учили, как медсестер запаса. А нас в университете учили только строем ходить, деревянные гранаты кидать да автомат разбирать-собрать.

– Но это же просто, как... как чихнуть! – продолжала настаивать на своем Люся. – Вот где у нас Прошкин резиновый мячик? Проша, Проша!

Откуда-то из-под стола выскочил семейный любимец Яськовых – полупородистый щенок Проша, уже с детства выдающий себя за немецкую овчарку. Хотя даже невооруженным глазом было видно, что в свое время кто-то из его родни по женской линии легкомысленно закрутил роман с одним (а может, и не одним) из дворовых «джентльменов», и это проявилось

на Прошиной внешности: при овчарочьем экстерьере хвост он мог жизнерадостно закручивать в кольцо, да и ушки у него не торчали острыми клинышками, как полагается любой уважающей себя овчарке, а были полуопущенными. И еще его компрометировало белое продолговатое пятно на брюшке. Но Проша ничуть не комплексовал по этому поводу. Вот и сейчас он радостно рычал сквозь зубы, в которых была зажата его любимая и потому неоднократно прокушенная им игрушка – резиновый мячик.

– Проша, дай мне его на минуту, а? – попросила Люся и довольно бесцеремонно вытянула из пасти щенка мяч. – Вот смотри, как это делается, Васенька.

Она взяла фломастер и нарисовала на поверхности мячика крест. Потом распаковала одноразовый шприц и прикрепила иглу.

– Да выключи ты этот дурацкий телевизор, и смотри сюда... – Ничего я не буду выключать, – пробурчал Василий, боязливо косясь на зловеще поблескивающую иглу. – Черт, какая длинная! Подожди, а почему бы нам «скорую» не вызвать, а? Пусть приедут и уколют тебя.

– Да ну что мы по таким пустякам людей будем отрывать от важных дел. Может, в это время где-то кому-то по-настоящему плохо, а «скорая», вместо того чтобы его спасти, по какому-то пустяку поедет к нам. Тебе не совестно, а? И потом, этот опыт всегда может пригодиться в жизни, согласишься. – Нет, не совестно. И не соглашусь. Мне... страшно, – честно признался Василий.

– Ну что ты за мужик, а? – пожурила его Люся. – Что же тут страшного? Вот смотри: я разделила мячик на четыре части. Так же и ты мысленно разделишь... это... ну, одну мою половинку на четыре части. И колоть будешь в верхнюю четвертушку, которая ближе к краю. – Мысленно... Как это мысленно? А если я промажу и уколю не в ту четвертушку? – обреченно спросил Яськов. – Можно, я хотя бы так же расчерчу и твою попку? – Ладно, можно, – чуть подумав, согласилась Люся. – Теперь смотри сюда. Берешь шприц и вот, так легким шлепком, вгоняешь иглу в тело, до упора.

Люся протерла ваткой резиновую поверхность мячика, легко и быстро взмахнула кистью руки и игла шприца, тускло сверкнув, юркнула в глубину мяча. – Вот, а теперь я осторожно и медленно выдавливаю лекарство... Все! Быстрым движением извлекаем иглу и тут же обрабатываем ранку спиртовым тампоном. Понял? А ну, повтори!

Только с седьмого или восьмого раза у Яськова стало получаться так, как показывала Люся.

– Молодец! Я же говорю, что у тебя все получится, – поощрительно чмокнула она Василия в щеку. – Ну, иди тщательно мой руки, а я пока приготовлю шприц. Ну что ты тывкаешь, Проша? Вот он, твой мячик, на, терзай его дальше. Щенок, радостно виляя хвостиком, подхватил израненный мяч и умчался с ним куда-то в глубь квартиры. – Ну, я готов!

В комнату вошел Василий, торжественно неся перед собой, как это обычно делают хирурги перед операцией, тщательно вымытые руки.

Люся прыснула: – Может, тебе еще марлевую повязку дать?

– Давай ложись, некогда мне тут с тобой, – сурово сказал Василий.

– Ладно, – посерьезнев, ответила Люся. – Ложусь. Шприц, ватка – все на столе. Вооружайся, «эскулап»! Не забыл, как надо делать?

На Люсе был легкий халатик, а под ним, как оказалось, ничего – сразу после укола Люся собиралась лечь спать. Она скинула этот халатик и улеглась на диван лицом вниз. Василий глянул на ее узкую спину, на веером рассыпавшиеся по подушке, по спине светло-русые волосы, на соблазнительно светящуюся кругленькую упругую попку и слегка раздвинутые прямые ножки с узкими щиколотками и ступнями и трогательными ямочками под коленками, и как-то нехорошо засопел. Борясь со внезапно охватившим его желанием, он хрипло прокашлялся, помотал головой и решительно взял в руку фломастер. – Какую половинку лучше разметить, Люсенька? – сипло спросил он жену.

– А какая тебе больше нравится, ту и размечай, – лукаво сказала Люся. Василий присел на диван и занес было над возвышающейся попкой фломастер, чтобы сделать разметку для укола. Но, помимо своей воли, уронил фломастер на пол и стал нежно оглаживать спину, бедра Люси горячей, жадной ладошкой, снова шумно засопел и суетливо стал скидывать с себя одежду. – Э, э, ты что это? – забеспокоилась Люся. – А укол? – Сейчас, сейчас я тебя уколою, милая, – забормотал Василий, наваливаясь на жену. – Сейчас, сейчас... О-о!

... – Ну что это такое? – отдышавшись, деланно сердито пожаловалась Люся. – Разве можно тебя о чем-то серьезном просить? Кобель! Полечил жену, называется. Только шея снова заболела! Давай все сначала! Только без глупостей, понял? – Шея, говоришь, заболела? – оживленно переспросил Василий. – Идея! У тебя болевой синдром!

Он набрал по телефону «Скорую»: – Примите, пожалуйста, вызов, у моей жены сильные боли! – Ну вот зачем? – сокрушенно сказала Люся, снова закутываясь в халат. – Мы же с тобой договорились...

В дверь позвонили где-то минут через двадцать. Василий радостно пошел открывать. На пороге стоял симпатичный молодой парень в белом халате. Правую его руку оттягивал тяжелый металлический сундучок с красным крестом на синем боку.

– Где больная? – отрывисто сказал он.

– А... это... Что, у вас женщин на «скорой», что ли, нету? – растерянно и ревниво спросил Василий. – Да какая вам разница, – нетерпеливо ответил парень и совсем еще по-детски шмыгнул носом – видимо, был простужен. – Не отнимайте у меня время. Где больная? – Так это... Ей уже легче стало, – пряча глаза, пробормотал Василий. – Вы уж извините. Вот.

Он даже в дурном сне не мог представить, что какой-то другой мужчина может смотреть на голую попку его Люсеньки, а уж тем более – касаться ее. При одной только мысли об этом у Василия противно заныло под ложечкой, а кровь бросилась в голову. Он даже сжал кулаки.

– Как это? – растерялся парень в белом, перехватывая свой сундучок поудобней. – Вы же, получается, сделали ложный вызов. За это вам заплатить придется. – Сколько? – спросила вышедшая в прихожую Люся. – Здравствуйте, молодой человек. Вы уж нас извините, но мне действительно стало намного легче. Так сколько вам надо заплатить? – Не мне, а нашей станции скорой помощи, – сердито сказал парень и покраснел под внимательным взглядом Люси. – Я не знаю, сколько это будет стоить, и как вы будете платить. Бухгалтерия наша сама все сделает. До свидания!

– До свидания! – нестройно сказали ему в ответ Яськовы. Василий щелкнул дверным замком.

– А что же ты не оставил этого парня, а? – прищурившись, спросила Люся. – Пусть бы сделал укол. Или ревнуешь, а? – Ничего я не ревную, – проворчал Василий. – Он же совсем пацан. Не мог я доверить этому желторотику самое дорогое. Иди, ложись давай! Подумаешь, большое дело – сделать укол любимой жене. – Но только без этих своих поползновений, ладно, милый? Хватит уже на сегодня! – Иди, болезная моя, иди, – улыбнулся Василий. – Располагайся, пока я руки мою. А там посмотрим...

Рассказики для женщин

КЛОШАР

– Уважаемый, можно вас?

Панарин огляделся вокруг – мимо проходили только две женщины, да торопились куда-то несколько пацанов. Значит, это к нему обращается молодая красивая женщина с таким одухотворенным лицом!

– Да, да, вас!

«Ух ты, значит, я еще могу быть интересным даже для таких красавиц! – мелькнула победная мысль у Панарина. – Эх, Ирка, знала бы ты, какого мужа потеряла!»

– К вашим услугам! – Панарин учтиво шаркнул стоптанным башмаком. – Чего изволите?

– Пойдемте, тут недалеко...

Прекрасная незнакомка цепко взяла Панарина за рукав и повела к ближайшей подъездной лавке. На ней сидел и нервно курил взъерошенный мужчина лет тридцати.

– Панарин! – вежливо приподнял кепку Панарин.

– Вот, Глебушка, наглядная иллюстрация к нашему спору, – запальчиво сказала красавица. – Зная тебя, я предрекаю: ровно через год после нашего развода ты станешь точно таким же клошаром, как вот этот тип!

– Через пять, голубушка, – грустно сказал Панарин. – Извините, я пойду...

ПОСЛЕДНИЙ КОМПЛИМЕНТ

– Вовик, глянь, какая у этой певицы грудь! Не то, что у меня, да, Вовик? – Ну что ты, Галчонок! Твоя куда больше! А у нее силикон, сразу видно. – Ах, ты мне льстишь, негодник! А видишь, какие большие и глубокие глаза у этой дикторши. Вот мне бы такие, да, Вовик? – Ну, тоже мне, нашла большие глаза! Да я в твоих как утонул полгода назад, так и не выплыву никак! – Ох, Вовочка, какой же ты дамский угодник! Знаешь, чем угодить девушке. Не зря же говорят, что женщины любят ушами... Кстати, смотри, какие большие уши у этой ведущей! – Ха, разве это уши! Вот у тебя – настоящие лопухи!

...И это был последний комплимент в его жизни.

СУПРУЖЕСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

– Ну все, Эллочка, все! Завтра созвонимся! – Да куда ты так спешишь, Ирочка? Давай поболтаем еще немного. – Некогда мне! Вон, слышу, Мишка мой пришел с работы. Спешу супружескую обязанность исполнить! – Прямо вот так, с порога? У-у, какие у вас страсти! – О чем ты? Зарплату надо у него срочно отнять!

НАРЯДЫ ВНЕ ОЧЕРЕДИ – Два наряда вне очереди! – приказала прапорщику Майорову его жена Антонина, когда он в очередной раз вернулся со службы нетрезвым. – И только от Версаче! Иначе развод.

Соседка

Ее звали Тома. Она жила этажом ниже, с мужем и малолетним пацаном. Петр Тимохин тоже не один, с женой и дочерью. Но уж так устроен мужик, что одной бабы ему всегда мало, и он всегда косится на сторону.

На эту тему существует целая научная теория. Если популярно, то мужик как самец просто обязан осеменить как можно большее число самок, чтобы поддерживать свою популяцию. Петр подозревал, что эту теорию в свое оправдание разработал какой-то ученый ****ун. Но многим мужикам она нравится. И Петру в том числе.

Он косился на соседку Тому. А там было на что коситься. Рыженькая, зеленоглазая, стройненькая, с миловидным личиком. А ножки! С ума сойти, какие у нее были ножки! Беленькие, гладенькие, с идеально круглыми коленками.

Тома знала убойную силу красоты своих ножек, и умело их подавала. Все ее платья, юбки, куртки и даже шубки были сантиметров на десять выше коленок. А колготки, чулки были только заманчивого телесного цвета. И когда она шла, грациозно покачиваясь и сверкая своими чудными коленками, глаз от этого зрелища было просто не оторвать. Любимой ее обувью были красные сапожки на аккуратных невысоких каблучках. И в этих сапожках Тамара выглядела совершенно неотразимой!

Она, чертовка, знала, что Петр не упускает возможности полюбоваться ею, ее фигуркой, пленительными ножками. И всегда лукаво улыбалась, когда проходило мимо, слегка потупив свои зеленые глаза.

Тимохину было чуть за тридцать, ей лет двадцать пять. Кровь волновалась в обоих, взаимная симпатия все увеличивалась и явно грозила перерасти из безвинного пока состояния в нечто предосудительное. Ну да, у Тома был муж, у Петра жена. И законы моральной устойчивости и супружеской верности никто не отменял. Но человек, увы, слаб, и рано или поздно поддается искушению. Особенно если оно, это искушение, ходит рядом и сверкает такими чудными коленками. А сложившая коллизия разворачивалась таким образом, что их буквально

толкало друг к другу. Тамара сидела дома с годовалым пацаном. На жизнь им зарабатывал ее муж, угрюмый и нелюдимый парень, ни с кем в подъезде не водивший знакомство и имени которого Петр до сих пор не знал, хотя в одном доме они жили уже не один год.

Петр тоже частенько оставался дома один – он числился фотокорреспондентом в районной газете, и поскольку фотолaborатории в редакции не было, снимки для газеты делал у себя на кухне, плотно задрапировав окно одеялом (надеюсь, читатель уже уяснил, что описываемое событие относится к тому времени, когда цифровых фотоаппаратов еще не было).

И вот однажды, когда Тимохин с утра остался проявлять и печатать снимки из очередной своей поездки в совхоз, в дверь квартиры позвонили.

Петр чертыхнулся и пошел открывать дверь. И опешил, увидев на пороге объект своих вожделений. Тома была в тапочках с помпонами, в коротеньком, да еще незастегнутом на последнюю пуговицу, халатике.

Тамара выглядела слегка смущенной, легкий румянец окрасил ее обычно матовые щеки.

– Жена твоя дома? – спросила Тамара, глядя на Петра снизу вверх своими зелеными русалочьими глазами. – А я соды пришла у вас занять...

И только тут Петр увидел в ее руках фаянсовую кружку. Но в глазах Тамары Петр прочел совсем другое. И сода тут была вовсе ни при чем. Не отводя своего взгляда от Тома, Петр молча обхватил ее тонкую талию и рывком притянул к себе.

Молодая женщина тихо ойкнула и, несильно стукнув Петра зажатой в руке кружкой по спине, тоже обняла его и запрокинула голову, приоткрыв зовущие губы. Петр тут же впился своими губами в ее яркогубый маленький рот.

А потом, не совладав с собой, подхватил Тому на руки, намереваясь тут же отнести ее к дивану в гостиной.

– Нет, нет, не сейчас! – задыхающимся голосом запротестовала Тамара. – Сын дома один остался. Если сможешь, зайди вечером. Или завтра днем. У меня Николай позавчера уехал на сессию. Ага, значит, этого вечно угрюмого везунчика (такую жену себе отхватил!) зовут Николаем. И что она в нем нашла?

– А где он у тебя учится? – глупо улыбаясь от охватившего его счастья – такая женщина, мечта его последних дней, сама падает ему в руки! – спросил Тимохин. – И надолго уехал? – В Иваново, заочник он, – заговорщицким тоном сообщила Тома. – На целый месяц. На целый месяц! У Петра даже дыхание перехватило от возбуждения. Вот это да! Целый месяц в его распоряжении. И Тома. Это, ему понятно, будет их месяц, иначе зачем бы она сказала об этом Петру. Хотя не месяц – два дня, с учетом сегодняшнего, уже теряются. А если прямо сейчас занырнуть к ней? – Сейчас не получится, – улыбнувшись и снова прижавшись к Петру, предугадала его желание Тома. – Свекруха вот-вот должна подойти, звонила уже. Так что только вечером. Или завтра днем. Ну, ладно, я пошла.

Она помахала на прощание пустой кружкой и повернулась к выходу.

– Постой, а соду-то ты не взяла! – спохватился Петр.

– Дурачок! – засмеялась Тома, и прикрыла за собой дверь. Послышался легкий шорох ее удаляющихся шагов. Целый день Тимохин был как на иголках, от не оставляющего его волнения запорол кучу фотобумаги – то передержит, то не додержит. После обеда он повез фотографии в редакцию, и все пятнадцать минут, пока шестой маршрут плелся до его остановки, думал о Томе и капал слюной.

– А текстовки к ним кто будет писать? – сердито спросил редактор, когда Петр, положив пачку фотографий на его стол, хотел было тут же улизнуть. – Так мы же с Каретовым ездили, пусть он и напишет, – недовольно сказал Тимохин. – Он сам говорил, что у него будет штук пять зарисовок и пара репортажей с этими фотографиями.

– Нету Каретова, – хмуро сказал редактор. – Вы, случайно, не квасили в совхозе? – Ну, было чуть-чуть, – признался Тимохин. Он уже догадывался, в чем дело – наверняка завсель-

хозотделом Каретов, когда они поздно вечером вернулись в город на редакционном уазике, пошел «догоняться», а сегодня вот не вышел на работу.

– Выгоню его когда-нибудь, к чертовой матери! – чертыхнулся редактор. – Ладно, давай так: ты мне даешь в этот номер хотя бы два-три снимка с развернутыми, строк по сорок, текстовками, а я тебе за это двойной гонорар. Идет? Каретова теперь дня три не будет, сам знаешь.

– Ладно, – с неохотой согласился Тимохин. – Но напишу я их дома.

– Но чтобы с утра как штык!

– А то! – весело сказал Петр.

Дома, после того, как они всем своим небольшим семейством посмотрели очередную серию «Семнадцати мгновений семьи» – девятилетней дочери Настеньке это тоже разрешалось, при условии выполненных уроков, и настала пора укладываться спать, Николай сказал, что еще поработает.

В их малогабаритной двушке рабочего кабинета у Петра, конечно, не было – в зале спала дочь, в спальне, естественно, сами родители, и жена Лена привыкла уже к тому, что муж использовал под кабинет кухню.

Здесь он делал фотографии, читал, писал – Петр хоть и был всего лишь фотографом, но никогда не упускал возможности подзаработать и на текстах, в которых их маленькая, но очень прожорливая трехразовая газета всегда остро нуждалась. А покурить спускался на улицу или же дымил в подъезде, в зависимости от времени года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.